

Екатерина Боброва

Ночная
фея

Аннотация

Что ждет сиротку за порогом приюта? Место прислуги у богатого таса или продажной женщины в веселом доме, а может рабство у пресветлой графини Тао-Ресак?

Или...

Судьба ловко меняет серое на черное, черное на белое. Труден путь, когда одна, когда нет за спиной надежной защиты. Но выход один — идти вперед, не сдаваться. И кто знает, что ждет в конце? Быть может самый настоящий трон и любимый мужчина рядом.

Екатерина Боброва

Ночная Фиалка

Глава 1

Боль от стояния на каменных плитах пола кинжалами вонзалась в колени, но поменять позу или облегчить своё состояние Дара не решалась. Рук она почти не ощущала. Верёвка грубыми узлами впилась в кожу запястий, посечённая спина нестерпимо ныло, голова кружилась, а губы запеклись от крови, но все это неважно. Важно было только одно — присутствие в гостиной замка Монресак высокой светловолосой красавицы. От неё сейчас зависела судьба девушки. Вот уже пару часов, как она личная рабыня пресветлой графини Тао-Ресак.

Пряди неровно обрезанных черных волос падали Даре на лицо, сквозь них она с трудом различала сидящую за столом графиню. В руках та держала хрустальный на тонкой ножке бокал с вином. На тёмно-красном платье ярко выделялись волны светлых распущенных волос, алые губы кривились в капризной усмешке, а глаза застыли двумя кусочками льда.

— Милый, — протянула красавица, делая маленький глоток из бокала, — я уже устала ждать.

— Придётся, сестрёнка, — раздражённо дёрнул плечами молодой человек, сидящий на другом конце стола. Одет он был в щегольский замшевый камзол зелёного оттенка, на шее ярко-жёлтым пятном выделялся шейный платок. Маленькие усики придавали ему немного хищное выражение лица, — Наши люди в Туумене с ног сбились, выполняя заказ. Кстати, дорогая, зачем тебе это пугало? — он кивнул в сторону Дары.

— Фу, какой ты недогадливый, — графиня надула свои очаровательные губки, — смотри, — она качнула бокалом в сторону девушки, — какая упорная тварь. Ей сегодня здорово досталось. Если бы я не подлечила её, да-да, не делай такое лицо, мой дар, на кого хочу, на того и трачу, она бы давно уже без сознания валялась, и шансов выжить у неё было бы немного. И всё равно крошке порядком перепало, но, как видишь, стоит, пощады не просит, даже голову заставить её опустить не могу. Гордая..., пока, — в голосе послышалась насмешка пополам с одобрением, — Представь, какое будет удовольствие сломить такую упрямицу, заставить ползать у своих ног, — глаза графини полыхнули лихорадочным блеском. Дара невольно вздрогнула, столько обещания было в голосе хозяйки.

Ну, почему она попалась ей на глаза в весёлом доме? Лучше бы Пёс просто прибил

взбунтовавшуюся новенькую. Смерть, она же ласковая матушка для подобных горемык. Раскрыла свои нежные объятия, приняла бы её измученную душу, отгоняя боль и страдания всевластной рукой.

Нет, углядела, вмешалась. Какой такой изгиб дороги послал блистательную лэсса в заведение к тасу Фойлу?

В маске, инкогнито, графиня лишь мельком взглянула на Пса, волочащего за волосы по полу, задушено хрипящую девчонку. Увидела упрямо сжатые губы, полные решимости черные глаза, перекошенное от боли лицо мужчины и бархатным голосом поинтересовалась у хозяина: «Кто эта крошка?»

— Ах, простите, пресветлая лэсса, — Фойл склонился почти до пола, ухитряясь при этом не сводить с высокой гостью преданного взгляда, — она не стоит вашего внимания. Новенькая, но, увы, испорченный материал.

— Раз он испорчен, значит, обойдётся мне дёшево, — пожалала плечами графиня.

— Хозяин, — взвыл Пёс, понимая, что девчонка ускользает от расправы, — эта тварь мне чуть пол руки не откусила.

Они сошлись на пяти золотых и двадцати ударах плёткой. Сиятельная лэсса пожелала лично присутствовать при наказании.

Двадцать ударов, и каждый длился вечность, взрывая плоть, разрывая нежную кожу. Пёс бил в полную силу, мстя за унижение, за вред, нанесённый уважаемому клиенту, за попытку сопротивляться наказанию, не понимая, что жертва сама выбрала этот путь, желая пройти его до конца и как можно быстрее.

Дара уже приготовилась к смерти, но, видно, чаша жизни не была ею испита до дна. Исцеляющий холод коснулся рассечённой спины, останавливая кровь, затягивая раны тоненькой кожей. Нет, полного исцеления ей не подарили, оставив боль и воспоминания о порке, но жуткие раны перестали угрожать жизни девушки.

Ярко бордовое с безвкусной золотой вышивкой и широкими разрезами платье почти не держалось на Даре, и чтобы прикрыть голую спину, ей выдали чёрный плащ.

Пару недель назад она вошла в этот дом, полная надежды обрести новую семью, с детским любопытством вглядываясь в лица обитателей, улыбаясь им чистой улыбкой незамутнённой души, а уходила в мужском плаще на израненных плечах, с окровавленной душой, в которой не осталось больше места для наивности и веры в людей. Детство осталось за порогом этого дома, обиталища изломанных судеб, развратных и похотливых страстей, дома, который по какому-то

недоразумению прозвали «весёлым».

— Если тебе так хочется — развлекайся, — пожал плечами молодой человек, — только не жалуйся, когда эта тварь проткнёт тебе сердце кинжалом.

— О, не переживай, — графиня возбуждённо облизала губы, — я умею справляться с такими бунтарками. И поверь, мои крошки не чета твоим послушным куколкам в постели, которые и стонут лишь по команде, — граф поморщился на грубую реплику сестры, но промолчал. Пресветлая Тао-Ресак встала из-за стола, и грациозно покачивая бёдрами, направилась к девушке.

В этот момент Даре истово хотелось исчезнуть, испариться, на крайний случай, стать кем-нибудь маленьким, незаметным, хотя бы пауком или мышью, только бы не ощущать на своей коже прикосновения прохладных пальцев графини.

Щеки ещё горели от ударов, которыми хозяйка щедро наградила новую рабыню за попытку побега. Руки девушке связали сразу же после того, как она выпрыгнула из кареты на полном ходу и лишь по счастливой случайности отделалась лёгким ушибом. В тот момент, стоя на коленях, с трудом сдерживая слезы от боли, Дара с ужасом понимала, что хозяйка не просто злится за неповиновение, не просто наказывает, а получает от

причинения боли удовольствие. «Бежать отсюда, бежать!» — стучало в голове.

— Правда, милая? — подошедшая к ней графиня обвела большим пальцем контур губ девушки, потом цепко ухватила за подбородок и, наклонившись, шепнула на ухо: «Ты будешь меня обожать, обязательно будешь».

Живот скрутило от резкого приступа тошноты. Дара попыталась отшатнуться, но затёкшее от долгого стояния тело отказывалось повиноваться. Стало жутко и противно, и больше всего её пугала убеждённость в словах графини.

Внезапно со двора донёсся непонятный шум. Мужчина вскочил из-за стола, бросился к окну и грязно выругался.

— Скорее уходим. Похожи, твари ночи все-таки добрались и до нас. Давно говорил, что нужно избавиться от маменькиного наследства. Нет, ты вцепилась в ожерелье, словно не понимаешь, что на отрубленную голову его не оденешь.

Графиня побледнела, на секунду замерла, а потом метнулась в личные покои.

— Погоди, — крикнула она, — я им его не оставлю.

Брат уже стоял около камина, поворачивая цветочное украшение на решётке. Заскрипела, отходя в сторону, часть стены, открывая чёрный зев

подземного хода.

— Быстрее, — поторопил сестру граф, нервно оглядываясь на дверь, ведущую в холл. Потом не выдержал, рванул к двери и, захватив один из стульев, подпёр им ручку.

Через пару мгновений из арки, ведущей в личные покои, показалась графиня, в руках она сжимала чёрную резную шкатулку. Граф ловко зажёг факел и вместе с сестрой, не мешкая, нырнул в потайной проход. Стена вслед за ними заняла своё место, скрывая беглецов.

Дара осталась одна, лишь два полупустых бокала на столе безмолвно свидетельствовали о том, что недавно здесь кто-то был.

Девушка попыталась встать, но ноги не слушались, и она неуклюже завалилась набок. Сил совсем не осталось, и Дара решила остаться на полу, но тут на лестнице, ведущей в столовую, раздался шум схватки, чьи-то крики, а затем дверь содрогнулась от мощного удара.

«Надо где-то спрятаться», — мелькнула разумная мысль. Страх придал девушке сил, она завозилась, сиюсь подняться, но успела лишь встать на колени, как дверь с громким треском распахнулась, подпирающий её стул отлетел в сторону, врезался в стену, и в столовую ворвались трое.

Дара, не делая никаких попыток

пошевелиться, бесполезно пытаться обмануть смерть, заворожённо смотрела, как две тени бесшумно скользят по комнате, обнажив клинки, и скрываются в личных покоях графини.

Третью тень девушка потеряла из виду, а зря. Её рывком оторвали от пола, встряхнули, как нашкодившего котёнка, и мужской голос, растягивая гласные, произнёс: «Признавайся, гадёныш, куда делась твоя хозяйка?»

В ответ Дара лишь просипела нечто неразборчивое. Завязки плаща с силой впились в повреждённое горло.

— Молчишь? — неправильно понял её незнакомец. Голубые глаза вспыхнули от гнева, — Таблах ас тахатъ, — выругался он, отшвыривая девушку в сторону, словно испорченную вещь. Стена больно ударила в спину. Ещё не успевшие до конца зажить после исцеления раны от удара раскрылись, что-то тёплое потекло по пояснице. «Кровь», — мелькнула мысль и пропала под натиском боли.

Дара прикусила губу, чтобы не застонать. Не стоит привлекать к себе внимание детей ночи. Может ей повезёт, и они уйдут, не став добивать полудохлого слугу? Надежды мало. Убийцы не оставляют после себе живых, со страшной жестокостью расправляясь со всем, кто встаёт у них на пути. Давно уже они терзают империю, вот уже

почти век ими пугают ребятишек, но особенно страшны эти рассказы для богачей. Дети ночи охотятся за сокровищами. Сказывают, что не за всеми, а только за проклятыми, а как соберут их полностью, так и спадёт с них самих страшное проклятие.

Маски, одетые на лица теней, не позволяли Даре понять, действительно ли убийцы имеют звериные рожи или того хуже облик страшных чудовищ, но проверять, что правда, а что нет, она бы не стала даже под угрозой казни.

Вы бы решились из любопытства заглянуть в лицо смерти? Только если не желаете перед её визитом заранее подобрать новый платок старушке в подарок.

Даре не было видно, как в комнату вошли ещё четверо теней, а из личных покоев с пустыми руками вернулись двое. Но она прекрасно понимала, что добыча ускользнула от убийц, и те сейчас пребывают не в лучшем настроении. Как жаль, что их разговор ей непонятен!

— Ты уверен, что он бесполезен? — старший кивнул в сторону лежащей на полу фигуры.

— Уверен, — с презрением в голосе ответил тот, кто задавал Даре вопрос, — тварь мучает их, убивает, а они все равно её защищают. Ведьма, — он сделал рукой знак, отгоняющих злых духов.

— Я попробую его разговорить. Он

последний, кто её видел и скорее всего, знает, куда она делась.

Старший подошёл к лежащему на полу пареньку. «Совсем еще мальчишка!» — подумал, глядя на избитое лицо. Нечто похожее на жалость шевельнулось в его сердце. Коротким взмахом перерезал верёвки на руках, мельком отметил посиневшие запястья — давно связан, подхватил под руки, помог встать. Паренёк с насторожённой слежкой следил за каждым его движением. От взгляда черных глаз, обрамлённых густыми ресницами, старшему вдруг стало не по себе.

— Кто тебя так? — спросил он, с трудом выговаривая чужие слова, — Она? — глупый вопрос. Чудовище в этих краях только одно — обворожительно-прекрасное белокурое создание.

Паренёк в ответ просто кивнул. Стоять ему было тяжело, и старший почти держал его на весу.

Внезапно худенькое тело дёрнулось и шагнуло вперёд, заваливаясь носом вниз. Старший выругался, подхватил паренька за плечи, стараясь держать как можно аккуратнее, итак по лицу понятно, что бедняга сильно избит. Но на одном падении тот не остановился и продолжил двигаться дальше на прямых ногах, пытаясь на каждом шаге пробить голову пол.

Таким странным способом они добрались до

камина. Что могло там понадобиться убогому, старший не представлял, но упорство всегда уважал. Если человек так к чему-то стремится, почему бы не помочь?

Пацан, дойдя до цели, покачался, собираясь с силами, и затем почти повис на каминной решётке. Тени переглянулись — представление явно затягивалось, но тут в сторону поползла часть стены, открывая проход.

Убийцам не нужно было повторять приглашение, один за другим они скрылись в темноте. Лишь последний задержался, пробурчал что-то на непонятном языке и, взвалив пацана на плечо, поспешил за остальными.

Висеть вниз головой было весьма неудобно. Ещё неудобнее в таком положении думать. «Почему он не убил меня? Не стал тратить время? Так его много и не требуется. Вжик и всё. Мне одного удара хватит».

Покачиваясь на мужском плече в такт плавным движениям убийцы, Дара словно плыла по подземному коридору, даже звук шагов едва прорывался сквозь гулкую тишину подземелья. Двигались они в полной темноте. Тени не стали зажигать свет, прекрасно обходясь без него.

Но вот вслед за ними поползла серая тень, из мрака выступили призраки стен, покрытые капельками влаги и наростами мха. Впереди

раздался чей-то тонкий вскрик, тут же поглощённый тишиной. Сердце девушки испуганно сжалось, однако её носильщик не замедлил шаг, все так же уверенно идя по проходу.

Стало светлее, а затем они оказались в естественной пещере, куда уже смог пробраться лунный свет. В его серебряных лучах высветилось пышное облако светлых волос, разметавшихся по серым камням, чёрный зев распаханной шкатулки, изрыгнувшей из себя ворох драгоценностей. Браслеты, ожерелья, серьги и кольца сплелись в один разноцветный комок, а рядом в темной луже блестели веером рассыпанные золотые монеты.

Ботинок убийцы опустился на сокровища, с равнодушием сминая украшения. Дара попыталась закрыть глаза, но не смогла. Так и застыло навсегда в её памяти серое нутро пещеры и окровавленная цена жизни пресветлой графини Тао-Ресак.

Снаружи было тепло и безветренно, но девушка этого даже не заметила. Зубы отбивали нервный ритм в такт шагов похитителя или спасителя? На этот вопрос у неё ответа пока не было.

Шли недолго. Деревья лунными тенями застилали обзор, лес из темных уголков грозил неведомой напастью, но какой толк бояться лесных чудовищ, когда самое опасное из них несло Дару на плече.

Впереди послышалось негромкое приветственное ржание. Усталость и боль не помешали сердцу девушки затрепетать в восхищении. Неужели она сейчас увидит знаменитых пегасов — летающих коней, на которых передвигались ночные убийцы?

Этих чудесных созданий мечтали заполучить все знатные семьи от Хрустального моря до Синих гор. Но ни одну, даже имперскую конюшню не переступало копыто крылатого красавца. Тени тщательно оберегали пегасов от грязных рук дельцов и предпочитали умереть вместе с конём, чем оставлять его недругам.

Дару аккуратно спустили на землю, придержали, не давая свалиться, руку поставили на стремя. Девушка судорожно вцепилась в него, ощущая, как рядом кто-то шумно вздохнул, и с трудом удержала визг, когда по ногам скользнуло нечто пушистое. «Крыло!» — вовремя догадалась, рука сама потянулась потрогать, погладить, но в тот же момент земля резко ушла из-под ног, Дару за шкирку вздёрунули вверх, и она очутилась верхом на пегасе позади мужчины.

Дальше руки сами вцепились в кожаную куртку, и все равно ей потребовались все жалкие крохи оставшихся сил, чтобы не свалиться с коня, когда тот в пару взмахов рванул ввысь.

Полет продолжался несколько часов, и когда

небо начало сереть на востоке, пегас пошёл на посадку.

Приземлились они на поляне, со всех сторон окружённой темным лесом. Дару сняли с коня, поставили на траву. Девушка смогла пройти пару шагов, а затем без сил рухнула на землю. Пусть убивают, пусть мучают, она не в состоянии больше сделать ни одного движения. Закоченевшее тело отказывалось повиноваться. Но тени, казалось, потеряли к ней всякий интерес.

На поляне уютно разгорелся костер. Вкусно запахло чем-то варёным.

Подойти погреться к огню Дара не решалась, так и сидела, обхватив колени руками, настороженно вглядываясь в мелькающие в отблесках пламени силуэты.

Видимо она все-таки заснула, иначе выходило, что сидевший перед ней на корточках мужчина появился прямо из воздуха. Убийца не стал открывать лица, и Дара видела только серые глаза, внимательно разглядывающие девушку.

— Держи, — ей протянули миску, от которой валил пар, а запах... Дара сглотнула моментально образовавшуюся слюну. И сама удивилась тому, как она проголодалась. Кажется, после случившегося неделю в рот ничего не возьмёт, нет же... Рука судорожно вцепилась в ложку, стремясь впихнуть в рот как можно больше еды.

Мужчина кивнул с довольным видом, встал и направился к костру. Вернулся он с жестяной кружкой. Поставил рядом с девушкой, опускаясь опять на корточки.

— Мы скоро уйдём, — видно было, что чужой язык давался ему с трудом, — ты, — ткнул пальцем в Дару, чтобы у девушки не оставалось сомнений, кого он имеет в виду, — останешься здесь. Как станет светло, пойдёшь вон туда, — и снова указующий жест, теперь в сторону высокого дерева, замершего на краю поляны, — идёшь до дороги, по ней сворачиваешь налево, — убийца на секунду задумался, затем махнул в сторону, — налево — это туда. Повтори! — потребовал он, видимо, серьёзно сомневаясь в умственных способностях своего подопечного. Дара послушно показала рукой.

— Хорошо, — удовлетворённый кивок, — к вечеру выйдешь к деревне. Найдешь таверну. Там спросишь Большого Тынга. Скажешь, что от Корявого Пня. Он тебя примет. Ему давно помощник требуется. Запомнил? Тогда доедай быстрее, нам нужно торопиться.

Девушка принялась за еду. Как резко повернулась её судьба! Ещё несколько часов назад она шла по краю пропасти, а теперь вывернула на прямую ровную дорогу.

Дети ночи, оказывается, не только убивать умели. Вывезли из замка, где никто не стал бы

спасать неизвестного бедолагу; трупы они равнодушны к чужим страданиям; накормили, напоили и отправили к своему человеку — поразительная щедрость.

Хозяин таверны явно не просто знаком с теньями, но и работает на них. Учитывая «популярность» убийц в империи, занятие довольно рискованное. Дара надеялась, что Большому Тынгу сгодится не только помощник, но и помощница.

Девушка прикрыла глаза. После сытой и горячей еды еще больше клонило в сон. Мысли путались, и в мечтах она уже видела, как скопив денег на дорогу, вернётся в приют, где займётся обучением младших девочек, а в этот мир больше ни ногой. Хватит с неё приключений и «добрых» дядечек.

Кристан похлопал Дарга по шее, проверил подпругу. Конь всхрапнул и потянулся к карману за лакомством.

— Будет тебе, сладёна, — мужчина погрозил пегасу, — на перевале получишь, а пока не заработал.

Конь обиженно отвернулся, по пути боднув головой хозяина в плечо.

— Но-но, не шали, — Кристан щёлкнул Дарга по носу.

— Командир, все готовы, — доложил Лэс, выныривая из утреннего тумана.

— Да, пора трогаться, — Кристан оглядел недовольным взглядом стремительно светлеющее небо. Задержались они сегодня... Будут теперь маячить у всех на виду, словно стая жирных ворон. Хорошо хоть до гор рукой подать, есть надежда, что никакому дураку в ранний час не придёт в голову любоваться облаками. Получить снизу подарочек, ой, как не хочется.

— А как же ритуал? — вскинулся Лэс.

Старший мысленно застонал. Нет, всем хорош помощник — умён, находчив, ответственен, да только дотошен до каждой буквы Свода Подчинения. Какой к тухмену ритуал, когда в округе только они, да убогий из замка?

— Но ведь положено на каждой остановке, — жалобно проговорил Лэс, глядя в мрачнеющее лицо старшего.

Н-да, придётся провести, иначе не отвяжется.

Кристан достал из-за пазухи висящий на шее тканевый мешочек, привычным жестом, как и сотню раз до этого, вытряхнул на ладонь священную землю из пещеры прародительницы, скороговоркой выпалил фразу пробуждения. Не глядя, серая — она же всегда серая, хотел было ссыпать землю обратно, но замер, не в силах пошевелиться.

Первой на ладони возникла белая искорка, мелькнула и пропала, но тут же появилась вновь и

не одна. Золотые, зелёные, алые и голубые искры разгорались все ярче, превращая серые комочки высушенной земли в пригоршню мелких разноцветных светлячков.

Кристан с трудом отвёл взгляд от невиданного зрелища, мельком отметив застывшего в удивлении Лэса, да и остальные бойцы представляли собой скульптурную группу под названием: «Не может быть!?» Эх, какой подарок имперским законникам они бы сделали, окажись те поблизости. Их же голыми руками брать можно было.

И лишь когда свет померк, командиру удалось сомкнуть ладонь в кулак, а затем ссыпать пробудившуюся землю обратно в мешок, подчинённые зашевелились.

— Командир, где она? — недоуменно озираясь, пробормотал Лэс. Остальные, впрочем, вели себя не лучше, вертя головами в разные стороны, пытались найти ту, на кого среагировала земля.

— В лесу искать будем? — деловито осведомился один из них.

— Зачем в лесу? — прищурился Кристан, — Сначала поближе кое-кого проверим, — и он направился к прикорнувшему в стороне пареньку.

Глава 2

Убогий спал сидя, положив голову на колени. Криво обрезанные пряди черных волос падали на лицо, закрывая глаза. Старший наклонился, убрал волосы в сторону. Парень даже не пошевелился, так вымотался бедняга или бедняжка? Тонкие черты лица терялись на фоне синяков и ссадин, губы распухли, глаза... Кристан вспомнил взгляд паренька и решительно тронул за плечо.

Даре снился родной уют, большой сад, в котором так весело играть в прятки. Она бежала по траве, торопясь скорее оказаться за широким стволом старой липы. Стоящая около сарая Юлка уже заканчивала считалку. Дара видела, как сбоку мелькнула жёлтая кофточка Лиз, скрываясь за кустом акации. Хорошее место, но сама она выбрала дальнейшее дерево и теперь спешила к нему. До него Даре оставалось совсем чуть-чуть, когда ей навстречу шагнула высокая женская фигура, закутанная с ног до головы в расшитое серебряными звездами покрывало. «Даризелла», — разнеслось над садом, незнакомка повернула к ней голову, и девушка буквально задохнулась от страха. Лицо женщины было скрыто серым туманным облаком. Она медленно подняла руку и поманила Дару к себе.

«Нет!» — крик замер в груди, сердце забилося

израненной птицей.

— Эй, па-арень, проснись, — ворвался чужой голос в сон, прогоняя кошмар.

Дара открыла глаза, зябко поёжилась, обвела окруживших её мужчин мутным, непонимающим взглядом. Бешено стучащее после пережитого кошмара сердце на секунду замерло, а затем начало колошматиться с удвоенной силой. В первый момент девушка решила, что убийцы передумали оставлять её в живых. На мгновенье обида даже пересилила страх. Так и знала, что не стоило им доверять! Зачем тогда спасали, кормили, показывали дорогу к деревне?

— Кто ты? — задал вопрос сероглазый, перестав трясти её за плечо.

«И что я могу ему ответить?» — подумала Дара, с тоской глядя на сидящего перед ней мужчину. Художественно просипеть собственное имя или прокивать? Навряд ли это его удовлетворит. «И стоило будить?» — злилась она, отчаянно борясь с зевотой. Решили прикончить, так лучше во сне, чтобы меньше мучилась.

Однако выводы из её молчания девушки сероглазый сделал. Кивнул кому-то за спиной, и в следующее мгновенье Дару поставили на ноги, крепко придерживая за плечи.

Спокойно глядя в застывшие от ужаса глаза девушки, убийца потянулся к завязкам плаща. Дара

задёргалась, затрепыхалась, силясь освободиться, куда там! Плечи словно зажали в тиски — не шевельнуться.

Сероглазый в два счета распутал узел, распахнул плащ, прошёлся недоверчивым взглядом по платью.

— Женщина! — с какой-то странной смесью сожаления и восторга произнёс он. Дара спорить не стала, лишь раздосадовано качнула головой. Лучше бы и дальше принимали за мужчину — спокойнее было бы.

— Эсар, глянешь, что с ней? Знаю, что выложился, вытягивая Тойла, но хоть посмотри, а? — обратился сероглазый в темноту, продолжая коверкать свой язык. Какая пугающая забота! С чего бы только? Дара быстро припомнила все рассказы про детей ночи, но ни в одном из нападений не пропадали женщины. Если и пропадали, то их потом находили, правда, в мертвом виде. Похоже, версию о похищении невест придётся отбросить.

Из скопившегося на поляне утреннего тумана к девушке шагнула тень.

— Только посмотреть и смогу. На остальное, прости, командир, сил нет.

Убийца встал перед Дарой, протянул руку, не касаясь кожи, провёл ладонью вдоль тела. Девушка попыталась отшатнуться, бесполезно, держали её

крепко.

— Так, — протянул Эсар, и светло-голубые глаза потемнели, — разверни-ка.

Дара даже пискнуть не успела, как очутилась прижатой к груди державшего её мужчины. Плащ оказался сброшенным на землю, открывая обнажённую спину девушки. А там... там же Пес с чувством платье рвал до самой этой..., а может и ниже.

Сзади кто-то выругался, кажется, Эсар, а потом сероглазый произнес: «Можем не довести».

— Я смажу спину, — Эсар говорил правильно, с еле уловимым акцентом, — остальное не так серьёзно — несколько ушибов, ссадин. Горло сильно повреждено, но исправить это мне пока не по силам.

— Значит, она не немая? — уточнил кто-то из теней.

— Нет, судя по синякам на шее, её пытались придушить, а затем прошлись по спине плеткой, но умереть не дали. Я вижу остатки исцеляющего заклинания.

— Не бойся, красавица, — Дара ощутила, как по волосам провели рукой. Интересно, где это сероглазый углядел красоту? Между синяком на левой скуле и разбитой губой справа? — сейчас мы тебя подлечим. Тимьяр, давай, к костру.

Скоро на поляне вновь заиграл огонь, жадно

поглощая сухие ветки. Туман пугливо попятился, образуя круг молочно-белой стены.

Дара сидела, практически полулежа, на коленях у Тимьяра. Сил сопротивляться у нее не осталось. Она с равнодушием отнеслась к тому, что Эсар сдвинул платье, обнажая спину, и аккуратными движениями начал втирать пахучую мазь. Под эти легкие касания девушка задремала, проснувшись только, когда её укутывали в тёплый плащ и усаживали на пегаса. Затем снова провалилась в сон.

Кристан уловил движение за спиной, обернулся.

— Командир, — замялся помощник, остановившись в паре шагов — неужели, это действительно она?

— Не веришь? — сощурился старший, но обрывать подчинённого не стал. Видно же, что у парня душа не на месте.

— Как-то неожиданно, — не стал спорить Лэс, — просто мы столько искали и..., - он вздохнул, а потом заторопился, опасаясь, что ему не хватит решимости продолжить разговор, — наши вернулись ни с чем. Прочесали округу — только пару зверьков вспугнули. Это она, больше некому. Но, понимаешь, платье...., клеймо.....

— Я тоже видел и платье, и клеймо на плече, — спокойно подтвердил Кристан, —

Боишься, что драгоценность, которую мы искали все эти годы, окажется простой стекляшкой?

— Да-а, — голос Лэса от волнения стал хриплым, — Неужели, она займет горный трон?

— Молод ты, — усмехнулся старший, бросая взгляд в сторону костра, — мало кто из них добровольно в веселые дома попадает. Так что не нам с тобой судить о судьбе этой несчастной. Не иначе, как сам Создатель отправил её к нам в руки. Как представляю, что последний потомок королевской семьи мог погибнуть в замке, сердце в пропасть падает. Ну, а займет она трон или нет, решать будем не мы.

— Согласен, — Лэс облизал пересохшие от волнения губы, вздохнул с облегчением. Старший, как всегда прав. Кем бы ни была эта женщина в прошлом, она — последняя из королевской династии, и их задача доставить её на родину в целостности и сохранности. А дальше... дальше пусть Наместник со старейшинами соображают, что делать с таким подарком судьбы.

— Сплетничаем? — рядом с ними нарисовался целитель. Кристан вопросительно изогнул бровь, — Спит, — махнул рукой в сторону девушки Эсар, — я пару капель снотворного в мазь добавил. Для неё сон — лучшее лекарство.

— Придётся будить, — посуровел Кристан, — Мы и так задержались. Возьмёшь с собой. Если

что... лучше на скалы сядем, чем домой труп, вместо принцессы, — оба подчинённых вздрогнули, услышав подобное обращение, — довезём.

— Не переживай, командир. Доставим живой и отчасти невредимой. Ты не смотри, что она мелкая, да бледная. Такие сильны духом. Могут представить, как её было больно, однако жаловаться не стала. Уверен, выдержит перелёт.

— Ну, дай Создатель, — Кристан шагнул к костру, остановился перед лежащей на коленях у Тимьяра девушкой. Сон сделал её еще моложе и беззащитнее. Сколько же ей лет? Совсем ребёнок. В таком возрасте у них только одних начинают из дома выпускать, а не отправляют в весёлые дома. Много грязи скопилось в империи, много погани развелось. Собственные удовольствия стали ставиться выше любых норм, местные графы творят, что хотят, а император занят собой, не думая о стране.

Он вспомнил белобрысую бестию, из лап которой выдернули принцессу. Как долго девочка пробыла в замке? Если хотя бы половина слухов, которые они собрали о графине, правда, то каждый день в том месте должен быть подобен аду.

Дара проснулась от холода. Колючки ледяного ветра упорно пробирались сквозь ткань тёплого плаща, неприятно вонзаясь в кожу иглами стужи. Тело затекло от неудобной позы. Она

пошевелилась, но рука, обнимающая её за талию, лишь сильнее прижала к груди.

— Скоро, — донеслось сквозь завывания ветра, -....ась... го.

Девушка повернула голову, сияясь рассмотреть хоть что-нибудь. Прилетевший под капюшон порыв ветра, густо замешанный на снежной пыли, заставил нырнуть обратно и спрятать лицо на груди у державшего её мужчины. Вокруг рычала, завывала и бесилась метель, сияясь сбросить девушку вниз, выдернуть из рук всадника.

Внезапно желудок резко сжало от тошноты. «Снижаемся», — с облегчением догадалась Дара. Она с трудом представляла, как бедные пегасы вообще могут летать в такую непогоду.

Ветер стих, а затем гулко застучали копыта по каменному полу, послышались оживлённые голоса и радостное фырканье уставших лошадей.

— Добрались, слава Создателю. Что-то перевал совсем разбушевался, — проговорили над ухом девушки, а затем руки исчезли с её талии, чтобы через мгновенье ловко схватить под мышки и спустить Дару вниз прямо в объятия сероглазого.

— Добро пожаловать в наш ледяной приют, — голос сероглазого был жутко довольным, — меня зовут Кристан, сюда тебя доставил и не уронил по дороге Эсар, он же наш врачеватель. Остальных представлю позже. Идём.

Аккуратно придерживая пошатывающуюся от слабости Дару, он отвёл её в центр пещеры, где уже разжигали костёр.

Видно было, что дети ночи здесь бывают часто. Вдоль почти хрустальных, покрытых толстым слоем льда стен стояли связки дров и хвороста, виднелись ящики с припасами и пузатые бочонки.

Дару усадили на покрытое шкурой возвышение, ноги укутали попоной, а на плечи набросили ещё один плащ. Возражать девушка не стала — в пещере царил лютый холод. Тёплый воздух белым облачком вырывался изо рта, оседая инеем на ресницах и бровях. Зато здесь не было пронизывающего ветра, плюющего в лицо колючий снег.

Оставив девушку около разгорающегося костра, мужчины занялись пегасами. Расседлали, счистили налипший снег и лёд, насухо вытерли шкуры, дали корма и лишь после этого вернулись к обустройству стоянки и приготовлению еды.

Полумрак пещеры разукрасился красноватыми отблесками огня, стало теплее и уютнее. Дара потянула к костру озябшие руки.

— Замёрзла? — сбоку подсел высокий темноволосый парень с открытым добродушным лицом и тёплым взглядом карих глаз, — я — Тимьяр. Потерпи, сейчас чай вскипятим, вмиг

согреешься.

Первая мысль была: «Ой, это же на его коленях я лежала с голой спиной». Вспыхнувшим от смущения щёкам требовался уже лёд, а не горячий чай, и только затем она осознала царापнувшую душу странность — убийца был без маски. Сердце сжалось одновременно от ужаса и от абсолютно нелогичного восторга. Дети ночи никому не открывают лиц, даже тем, кто видит их в последний раз. Тогда зачем? Почему такая честь? И стоит ли ею гордиться? Увы, сипящие звуки, издаваемые её горлом трудно расшифровать в вопросы.

Страх, промелькнувший в глазах Дары, Тимьяр воспринял на свой счёт, вздохнул и пересел подальше.

Дети ночи оказались обычными людьми, никаких видимых следов проклятий, страшных рож или звериных глаз, и девушка вздохнула с облегчением, хотя в тайне для самой себя уже начала привыкать к мысли, что она попала в лапы к проклятым чудовищам.

Все мужчины были довольно высокими, не чета низкорослым жителям империи.

Тем временем убийцы старательно делали вид, что ничего странного не происходит, как будто каждый раз после налёта возвращались с живой добычей, однако Дара время от времени ловила на

себе заинтересованно изучающие взгляды, а на каждое её движение оборачивались хором.

Всего в отряде насчитывалось семь человек. Старший Кристан, его помощник Лэс, целитель Эсар, Тимьяр, рыжеволосый Лукх, и два блондина Тойл и Рубан. Дара легко запомнила их имена. У нее всегда была хорошая память. И вот сейчас мелкие детали, подмеченные ею при свете костра, постепенно складывались в общую картину. Загорелая кожа, высокие скулы, непривычный разрез глаз, у четверых смолянисто-черные волосы и странные прически — обрезанные спереди волосы и заплетенные в тонкую короткую косичку сзади. Остальные трое стриглись коротко, так как было принято в империи.

Между собой дети ночи разговаривали на своём языке, часто заменяя слова быстрыми жестами. Интересно, откуда они? Явно родом не из империи, да и акцент у них смешной — растягивают гласные в словах, словно мяукают.

Наблюдая за мужчинами, Дара невольно выделяла одного — сероглазого. Подсознательно она тянулась к тому, кто вытащил её из замка. Девушка была уверена — решение забрать с собой, принимал тоже он. Она пока не понимала, хорошо это или плохо, оказаться в руках детей ночи, но надежда крепла с каждым часом — здесь её никто не обидит.

Вскоре по пещере разнёсся умопомрачительный запах мясной похлёбки.

И кто утверждает, что мужчины не умеют готовить? Дара и сама не заметила, как миска опустела.

Как же это здорово, после пронизывающего холода обнять ладонями горячую кружку с чаем, вдохнуть терпкий аромат трав и просто сидеть, бездумно смотря в огонь. Костер словно сжигает страхи, и дети ночи перестают восприниматься, как безжалостные убийцы, вот уже улыбаешься, принимая добавку, и не вздрагиваешь, когда чужая рука, затянута в чёрную перчатку касается твоих пальцев. И даже Эсар не пугает, когда с грозным видом требует выпить отвратительно горькое лекарство, подумаешь... всего лишь лекарь, и как-то забывается, что день назад он, как и все в отряде, отправлял души на тот свет.

Даре было тепло и уютно. Спина практически не болела, горячий чай обратил холод в бегство, даже ноги, промёрзшие в тонких ботинках, согрелись под попоной.

«Мы здесь до утра, — пояснил Кристан, — как раз буран стихнет. По эту сторону перевала он ещё тихий, а вот там буйствует по-настоящему». И Дара верила, представляя, как завывает ветер, стремясь свернуть непокорные скалы, как призывает на помощь метель, и горе тому, кто

окажется в этот момент в горах без укрытия.

После еды мужчины стали укладываться на отдых. Постепенно у костра замерли разговоры. Тяжёлая ночь и не менее трудный перелёт вымотали всех, а вот Даре спать не хотелось.

Тишина оказалась плохой подругой. В голове возникали странные мысли, одна хуже другой, незаметно подкралась воспоминания, коварная память подкидывала картины прошлого. Сердце в ответ заболело, заныло, и даже костер больше не помогал, сочувственно мигая прогоревшими углями. Даре стало неудобно. Сгустившаяся темнота ожила затаёнными страхами, скрывая, казалось, под своим покровом неотрывные взгляды убийц. «Я словно редкий зверь, попавший в сети ловчих», — с грустью подумала девушка, вставая с места. Остаться у костра больше не было сил.

Дара прошла к выходу, хотела выглянуть — стих ли буран, но по пути нечто более интересное привлекло её внимание.

Огромные черные кони спали, шумно посапывая во сне. Кто-то сложил крылья на спине, кто-то, выправив пушистое крыло, прятал под него голову. А вокруг искрило и переливалось ледяное царство, отражая мириадами искр огненные всполохи костра. Огромные ледяные сосульки нависли над входом. Часть из них была обломана, крошечком валяясь на полу. Покрытые льдом стены

пещеры, казалось, таили в себе несметные богатства.

Но настоящее живое сокровище сейчас сладко вздыхало, отдыхая после тяжёлого перелёта. Дара замерла, с восторгом рассматривая крылатых красавцев — само воплощение силы и грации.

Шаг, еще шаг, ближе и ближе она подходила к пегасам.

— Хочешь его покормить? — раздавшийся за спиной голос, заставил девушку резко дёрнуться от неожиданности. И как только у них получается так неслышно подкрадываться? Ещё парочка вот таких вопросов, и сердце у неё разорвётся от страха.

— Держи, — в руку девушки вложили кусочек сахара. — Это Дарг, — Кристан ласково провёл по морде мигом проснувшегося коня, — он большой сладкоежка, но сегодня честно заработал угощение.

Сладкоежка вздохнул, мол, сколько можно болтать, и потянулся к руке девушки. Дара улыбнулась, раскрыла ладонь, тёплые губы аккуратно ухватили лакомство. Пегас хрустнул сахаром, проглотил и вопросительно уставился на стоящих рядом с ним людей: «Может, ещё чем угостите?»

— Хватит, обжора, — усмехнулся Кристан и замер от удивления. Лицо Дары внезапно искривила странная гримаса, она шагнула вперёд и,

уткнувшись лицом в шею коня, разрыдалась. Нет, плакала почти беззвучно, но вздрагивающие плечи, судорожно сцепившиеся в гриву пальцы...

В первый момент командир растерялся. Затем погрозил Даргу, чтобы тот не вздумал дёргаться, ещё испугает. Пегас и не собирался вырваться из сцепившихся в него женских рук, он так и застыл с выражением ужаса и полнейшего недоумения на морде.

Нет, кровь врагов на копытах — дело привычное, хрипы умирающих — частое явление, а вот слезы, текущие по шее, попеременно с э-э-э соплями и жалостные всхлипывания — нечто совершенно новенькое. И как с этим сражаться, да и нужно ли, если хозяин со зверской рожей грозит увесистым кулаком? Но он же боевой конь, а тут... тьфу...

Дара сама не ожидала, что мягкое прикосновение к ладони вызовет такой порыв щемящей жалости в душе. Дрогнуло сердце, зануло, а потом слезы потекли сами собой, высвобождая скопившуюся боль. Она так долго сдерживалась, что сейчас рыдания прорвались безудержным потоком, сжимая горло болезненными спазмами. И заново ожили картины прошлого. Только на этот раз омытые слезами, они не были такими мучительными.

Тот день, когда тас Фойл появился в приюте,

Дара по праву считала самым счастливым в своей жизни. Ведь такой обходительный тас в дорогом костюме с целым набором рекомендательных писем выбрал именно её, Дару, в компаньонки к своей больной дочери.

«Дарушка, — прощаясь, сказала матушка, — я бы, конечно, хотела оставить тебя здесь в приюте. Из тебя вышла бы замечательная наставница для младших девочек, но ты — моя любимая ученица и достойна лучшей судьбы. Милая, помни, в жизни всему бывает своё время. Когда и поплачешь, когда улыбнёшься. Главное, верь в лучшее».

И Дара старалась верить, даже когда в душе зародились первые подозрения, и выяснилось, что конечный пункт прибытия корабля совсем не тот, который тас Фойл указал для связи с Дарой. Не обращала внимания и на подробные расспросы о ней, о её увлечения, почти экзамены на знания истории, владение письменностью, счётом. Не осознавала, что хозяин уже тогда подбирал ключик к рабыне — согнуть, но не сломать.

Лишь когда переступила порог весёлого дома — закаменело сердце, отгородилась душа от происходящего, и ни единой слезинки не упало из глаз. И когда клеймо ставили, не порадовала Пса мольбами и рыданиями. Четыре раза сбегала — ловили, запирали и пуще прежнего следили за каждым шагом. Лишь однажды дрогнуло сердце,

когда случайно услышала брошенную Псом фразу: «Жалко новенькую. Загубит ведь или покалечит». И холодный ответ хозяина: «Он заплатил столько, что покроет все убытки».

Удивительно тёплый вечер царил тогда в городе, но, несмотря на жару, Дару трясло от холода. Девушку одели в вызывающе открытое платье, заплели черные волосы в сложную косу, нацепили дешёвые яркие украшения. В комнату для встреч разрешили взять лишь статуэтку Создателя — подарок матушки и то, наверное, потому что та по цвету вписывалась в интерьер.

Старика с водянистыми глазами она почти не запомнила. Память дальше отказывалась служить хозяйке, выдавая лишь смазанные картины.

Сильные руки держат за плечи, жёлтые зубы кривятся в ухмылке, аромат дорогого парфюма не перебивает тошнотворный запах изо рта. Её собственный крик звучит слабой поддержкой. Старик довольно щурится, не думая выпускать трепыхающуюся жертву. А вот плевок в лицо выводит его из себя. Пальцы вцепляются в горло девушки, сдавливая, лишая доступа воздуха. Дара ещё борется, руки сами нащупывают стоящую у кровати статуэтку, взмах, удар, и долгожданный воздух врывается в лёгкие. Старик отшатывается, закрывает голову руками, сквозь пальцы хлещет кровь.

Дверь, коридор и недоуменный взгляд Пса, который мгновенно сменяется злостью, стоит ему поймать вид пошатывающегося старика за спиной у девушки. Ноги Дары, кажется, приросли на месте, так медленно они начинают двигаться. «Прочь. Прочь» — стучит в голове.

Рывок за плечо, Пес оказывается быстрее, второй рукой он вцепляется в косу, разворачивая к себе лицом.

Изогнуть голову, вцепиться зубами в чужую плоть, ощутить вкус крови во рту, услышать удивлённый возглас, громкие проклятия и... приготовиться к смерти.

Пес опытный, добычу не выпустил, лишь крепче намотал косу на руку, вытаскивая пораненной рукой кинжал из ножен.

Блеск лезвия, странная лёгкость на голове и обрезанные пряди, падающие на лицо. И тут же снова боль.

Пёс крепко хватает за волосы, заставляя опрокинуть голову назад. Удар, еще удар и вкус крови во рту, на этот раз собственной.

Рывок, она падает назад, но Пса это не останавливает, он тащит её по коридору к хозяину, для вынесения приговора — смерть или продажа в портовые кабаки — та же смерть, только мучительно долгая...

И надменный женский голос: «Кто она?»

Дальше завеса боли, погрузившая сознание во тьму, холод исцеления, мужской плащ, прикрывший спину, чужая карета, изучающий взгляд незнакомки, от которого желудок пронзает тошнота.

Тело среагировало само, открывая дверцу и выпрыгивая во тьму.

Падение, боль, чьи-то руки, поднимающие с земли. Насмешливый голос: «Упорная. Люблю таких». Верёвка, врезающаяся в кожу запястий, каменный пол под коленями и бесконечная усталость... Сил не осталось ни на гордость, ни на страх.

Первое чудовище — всегда самое страшное, ну а двадцатое?

Потому и убийцы, ворвавшиеся в замок вызвали лишь краткий всплеск ужаса, сменившийся все той же безразличностью. И только мысль, что таким, как хозяйка нет места на свете, придала сил открыть потайной ход детям ночи.

За спиной было подозрительно тихо. Никто не возмущался, не лез с утешениями, лишь по гладкой шкуре пегаса периодически пробегала нервная дрожь, но сам он стоял смирно, не делая попыток отодвинуться.

Дара вздохнула, подняла голову. Провела рукой по шкуре, прошептала про себя: «Прости». Ей в ответ укоризненно фыркнули. Пегас изогнул

шею, взглянул на девушку своими большими умными глазами, легонько боднул в лицо, мол, совсем расклеилась, разве так можно?

Дара невольно улыбнулась, обняла морду руками, не удержалась, поцеловала. Пегас вздрогнул, покосился куда-то за спину девушки, по-человечески тяжело вздохнул.

«Прости, прости, — беззвучно зашептала Дара, — знаю, ты — большой мальчик. Это я — глупая, лезу со своими нежностями».

На душе у неё было пусто и удивительно спокойно. Прошлое не исчезло, нет, оно ушло из настоящего, став всего лишь плохим воспоминанием.

Внезапно пегас встревоженно всхрапнул и, толкнув девушку крылом, загородил от выхода из пещеры. Остальные кони спешно перестраивались, окружая Дару тесным кольцом. Чье-то яростное рычание заставило девушку похолодеть от ужаса, вцепиться руками в гриву Дарга. Чем заняты дети ночи она не видела, как и того, кто издавал страшные звуки, волнами прокатывающимися по пещере: от злобного низкого рыка до пронзительного, бьющего по ушам визга. Даре уже казалось, что целая армия чудовищ атакует их отряд, когда визг, добравшись до высокой ноты, резко оборвался. А затем полный ярости стон наполнил пещеру, захрапели кони, попятились

назад, увлекая за собой. Стон перешел в надрывный хрип, а затем воцарилась тишина.

Пегасы расступились, как ни в чем не бывало, возвращаясь к прерванному сну.

— Испугалась, — сероглазый стоял в центре пещеры, руки сложены на груди, вид насмешливый и одновременно встревоженный. Дара шмыгнула носом, кивнула и лишь потом осознала, что вопроса и не было, — хочешь посмотреть, кто почтил нас своим присутствием?

Кристан протянул руку, девушка шагнула к нему.

— Кажется лэссе требуется платок, — в протянутой руке неизвестно как появился белый лоскуток ткани. Дара даже усомнилась, не маг ли сероглазый, но потом решила, что всему виной ловкость рук, а платок действительно был нужен.

Выйдя из-за пегасов девушка, наконец, смогла разглядеть нападавшего — груда желто-белого меха почти полностью перекрывала выход из пещеры.

— Мы называем их Йорфи. Обычно они живут выше этих мест, но этого малого, похоже, что-то выгнало из норы. В такой-то буран, бедняга, — Кристан любовно провел рукой по свалявшемуся меху, с трудом приподнял голову, вытащил из шеи кинжал. — Правда, красавец?

Матушка всегда говорила, что красоту можно

увидеть в любом творении Создателя, каким бы отвратительным оно не было на первый взгляд.

И Дара честно старалась.

Густой желтовато-белый мех, в бурых потеках крови, огромные черные когти на кончиках лап, вцепившиеся в пол, стеклянно-голубые глаза, в одном чернеет рукоять метательного кинжала, маленькие ушки со смешными кисточками по краям, вытянутая морда с черным носом, длинный розовый язык, вываленный на пол, и желтые клыки, каждый размером с ладонь Дары. Белая смерть среди белых снегов. Можно ли ею восхищаться? Если сам умеешь убивать, всегда оценишь искусство другого.

Подошел Тимьяр, наклонился и потянулся к рукоятке кинжала, торчащей из глаза зверюги, но замер, бросил на девушку задумчивый взгляд и убрал руку. Вместо этого приподнял тяжеленую лапу, нырнул под неё, пытаясь разыскать ещё один кинжал.

— Здоровый, — пожаловался он, почти целиком скрывшись под тушей, — с одного удара и не завалишь, а в ближний бой подпускать — верная смерть.

Глава 3

Даре всегда нравилось вставать рано, когда утренний воздух пьянит своей свежестью и прохладой, когда весело гомонят птицы еще не уставшие от полуденной жары, когда особенно четко видны горы в лучах восходящего солнца, а внизу мягким одеялом расстилается туман.

Она стояла на балконе, всматриваясь в лежащую у её ног долину. Удивительно, как быстро промелькнули эти четыре месяца, словно и не было кошмарных двух недель в веселом доме, обворожительно гадкой графини и страшных убийств. Прежняя жизнь осталась глубоко в недрах памяти, не беспокоя даже ночными кошмарами.

Резкий крик оповестил небеса, что на охоту вышел пернатый хищник. Девушка проводила взглядом стремительный силуэт и заторопилась в комнату. До прихода наставника Лиграна следовало закончить перевод еще одной страницы книги. Арганский язык давался ей легко, хоть и звучал непривычно — жители гор протяжно выговаривали гласные, словно привыкли перекрикиваться друг с другом, стоя по разные стороны от ущелья. А может, так оно и было.

Дара открыла книгу, поморщилась, опять история. Как будто нельзя для перевода дать что-нибудь интересное или легкое, например,

сказания морского народа, описание путешествия быстрогого Ташла. Но мечты, мечтами, а перевод нужно делать. Наставник, конечно, ничего не скажет, если она не справится, но взгляд... Умел тас Лигран так заглянуть в душу, что хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы ему угодить. Хороший учитель ей попался, что и говорить. А как он рассказывал! Словно словами рисовал по воздуху, и прошлое оживало яркими картинками.

Дара вчиталась в текст, аккуратно выписывая непонятные слова. «Арганцы вышли их пещер», — гласил первая строчка. Девушка подчеркнула сложное слово «прародительница». А непослушные мысли опять убежали прочь от книги. Ей вспомнились первые дни в горном королевстве.

Наместник, правящий арганцами, отбыл с дружеским визитом и собирался вернуться из поездки к берегам далёкого Среднеморского континента месяцев через четыре-пять. В его отсутствии девушку принял сиятельный тас Нурсах — один из девяти советников.

Высокий темноволосый мужчина выглядел довольно молодым, но глаза выдавали длинный жизненный путь.

После взаимных приветствий, последовали аккуратные расспросы о прежней жизни Дары. Удовлетворив своё любопытство, Нурсах извинился за то, что не может сразу решить судьбу гостыи.

— Понимаете, — проговорил он, огорчённо вздыхая, — клятву подданства принимает только Наместник.

— А если я не хочу принимать подданство? — осторожно уточнила Дара, — если попрошу вернуть меня домой?

— Дариэлла, — здесь почему-то её все называли именно так, — вы, конечно, можете просить все, что угодно. Ваша помощь достойна любой награды, но я бы не советовал торопиться с возвращением. Давайте дождёмся наместника, и тогда вы окончательно все решите, хорошо? А пока поживёте здесь в малом гостевом дворце. Чтобы вы не скучали, я распоряжусь предоставить вам учителей. Изучите наш язык. Можете заняться, чем пожелаете — танцы, живопись, пение.

Дара улыбнулась — её явно заманивали и таким красивым пряником, вот только не окажется ли начинка горькой?

— И все же, я настаиваю.

— Милая, — тас недовольно покачал головой, — упорство и упрямство — разные вещи. Я понимаю, вам дорог уют проведённым там детством. Вы не стали рассказывать, что заставило вас оставить его стены, но у меня нет уверенности, что подобное не повторится.

— У меня есть, — Дара задрала подбородок. Она не сомневалась, больше никто на свете не

выманит её обманом из приюта.

— Неужели? — брови таса изобразили крайнюю степень недоверия, и неожиданно со слезами в голосе он произнес, — любезнейшая Дариэлла, моей милой, больной матушке, требуется ваша помощь. Нет, нет, не спорьте, ей подойдете только вы. Ваше терпение, образованность, начитанность помогут ей скрасить одинокую старость. Прошу, не отказывайтесь.

— Вы знали, — скривившись, произнесла Дара.

— Под покровом ночи становятся известны многие дела, — дипломатично отозвался тас, — поверьте, здесь вас не обидят. Мы умеем ценить помощь, оказанную вовремя и бескорыстно. Не сейчас, так потом, вам обязательно захочется чего-нибудь особенного, тогда и вернёмся к разговору о награде. Пока же отдыхайте, набирайтесь сил. Мне было приятно познакомиться с такой очаровательной лэссой, — он широко улыбнулся.

Дару разместили в четырёх комнатах — непривычная роскошь. В приюте даже старшие девочки делили одну комнату на троих. А тут личная столовая, спальня, гостиная и даже кабинет для занятий. Первое время она чувствовала себя крайне неловко, но ровное отношение слуг, дружеская поддержка наставника, а главное

возможность передавать весточки матери настоятельнице в приют, сделали своё дело — девушка начала привыкать к новой жизни в Аргании. И все же ей было крайне любопытно, что же такого ценного уносила с собой графиня, что помощь Дары оценили так высоко? Впрочем, ответ на этот вопрос она получила на первом же занятии.

Тас Лигран начал с рассказа о своей стране.

Аргания располагалась в уютной горной долине с трёх сторон защищённой Джуйским и Лесорскими хребтами. Четвертая сторона обрывалась отвесной скалой с потрясающим видом на Среднее море и зелёную прибрежную полосу.

Появившись в долине, арганцы не стали селиться в ней, а построили свои города на скалах — изумительно изящные, просторные и уютные. Умели горцы заставить камень становиться послушным, словно глина. Пять городов, каждый — жемчужина в короне Арганского королевства.

Внизу жили пастухи с семьями, присматривающие за многочисленными стадами коров, овец и коз. Но лучшие пастбища принадлежали пегасам. Пегасы были для этих людей всем, от верных боевых товарищей до членов семьи, которым безбоязненно доверяли детей.

Особенно красиво здесь было на закате, когда воздух в долине, казалось, оживал от шума

крыльев, возвращающихся домой коней. Вся жизнь арганцев была связана с этими удивительными животными, и те платили им преданной любовью. Здесь на совершеннолетие дарили жеребёнка, и не было весомей подарка в жизни юноши или девушки.

Границы Аргании так же простирались вниз, на побережье, а оттуда на два близлежащих острова. На них кроме торговых портов и пары рыболовецких деревень стояли мощные крепости с военными гарнизонами. Здесь же, в гаванях располагалась половина флота Аргании, остальные корабли охраняли главный порт — Белый город.

Спустившись из долины, арганцы обнаружили широкую прибрежную полосу, ограниченную с двух сторон горными хребтами. Земля была плодородной, воды — богаты рыбой, но как оказалось, этот кусок суши требовал надёжной защиты.

Пережив четыре нападения пиратов, арганцы построили почти идеальную линию обороны. С двух сторон береговую полосу защищали каменные крепости, оснащённые пушками. Полоса рифов, идущая вдоль берега, создавала естественную защиту от высадки неприятеля. Рифы тянулись вдоль побережья вплоть до островов. Между островами и пролегал единственный безопасный путь в Арганию. Любая попытка зайти с другой

стороны расценивалась, как нападение. И кроме ядер из пушек на нарушителя обрушивалась воздушная кавалерия. Арганцы одни из первых поддержали изобретение пороха, оснастив прибрежные гарнизоны пушками, а их защитников ружьями. В остальном мире дороговизна ружей пока останавливала правителей от закупок их в больших количествах.

На дальнем острове Шук-лостр торговые корабли проходил первый досмотр. Здесь же выносилось решение о допуске во внутренние воды. Новички, как правило, вынуждены были выгружать весь товар в первом же порту, без всякой надежды получить за него хорошую цену. Но те, кому везло получить допуск в Белый город, покрывали убытки в несколько раз. Только там можно было купить знаменитые арганские клинки, тончайшее овечье сукно, ароматные, вызревшие в глубоких холодные пещерах сыры, горьковатые зерна кофе, за которые знать платила золотой монетой, но главным товаром оставались драгоценные камни и ювелирные изделия. Об арганских украшениях мечтала любая женщина, и лишь немногие могли себе позволить их купить.

Побережье было единственным местом, где разрешалось селиться чужакам или открывать торговые лавки. Доступ в горную долину имели только арганцы и те, кто получил подданство

королевства. Как, усмехнувшись, сказал тас Лигран: «Наше подданство стоит так дорого, что за последние сто лет его смогли получить лишь пятеро, и то бесплатно». И было непонятно, шутит он или говорит всерьёз.

Слушая рассказы наставника, Дара невольно сравнивала империю и королевство и не могла не признать, что арганцы во многом опережают своего загорного соседа. И все начиналось, казалось бы, с мелочей. Например, забота о пегасах. Чтобы облегчить их труд, грузы с долины и с побережья поднимались и спускались на специально созданных механических платформах, приводимых в действие сменной командой выносливых осликов. И даже породы пегасов арганцы вывели три — каждая для своего рода занятия. Боевые — способные не только ударом копыта раскрыть череп врага, но и вынести раненного хозяина из боя. Ла-пегасы — дружелюбные, преданные создания, на спинах которых выросло не одно поколение семьи, и последние — тяжеловозы. Выносливые, с широкими спинами и мощными крыльями. Именно они заменяли транспорт в горах, возя продукты, инструменты и одежду на прииски, взамен принося горючие камни и металлы. И летали они без хозяина, прекрасно запоминая несколько маршрутов.

— Ты, верно, хочешь знать, что делали

арганцы в том замке? — наставник сам начал этот разговор, и Дара в который раз подивилась его проницательности, — Что же, секрета здесь нет. Всё произошло около ста лет тому назад. Вашей страной тогда правил светлейший тас Лиашанг. Он был умён, честолобив и с детства болел лошадыми, а когда увидел пегасов — задумал сделать из арганцев союзников. Мы изредка наведывались по ту сторону гор, низина нас особо не привлекала. Трудный путь сквозь горы, высокий перевал, да и торговля не приносила выгоду.

Император же намеревался подписать с нами договор об оказании взаимной военной помощи, рассчитывая заполучить целый отряд арганцев с пегасами для степного дозора, уж больно ему досаждали быстрые, как ветер, и прожорливые, как тучи саранчи, степняки. Кроме того его интересовал наш флот, могущий при надобности обогнуть континент за неделю.

Ты знаешь, что такое политический союз? Знаешь! Хорошо.

Император не был женат, а юная принцесса Араэлла как раз расцвела к тому времени. Долго правитель Аргании не соглашался на этот брак, но Лиашанг под видом секретаря посольства обманом проник в наши земли. Тогда мы еще пускали сюда чужаков. И как не следили за гостями, а упустили их встречу. Правду говорят, что судьба — девица

упрямая, если задумала свести два сердца, ни перед чем не остановится. Погоревал отец, но любимой дочке отказывать не стал, да и сердцу не прикажешь.

И вот одним утром свадебный кортеж с принцессой вылетел в горы. Они переночевали в пещере Тин-Дага и... больше их в живых никто не видел.

Дара охнула, прижав ладони к щёкам. Воображение живо нарисовало: скалы, покрытые пятнами крови, хрипы лошадей, распростёртые крылья, изломанные фигуры людей и белое платье невесты.

Наставник помолчал, а затем ровным голосом продолжил, лишь только заблестевшие глаза выдавали его состояние.

— Они попали в засаду. Живым не ушёл никто.

— А принцесса? — не утерпев, перебила Дара.

— Пропала. Её судьба осталась неизвестна. Вместе с ней исчезли все драгоценности из приданого. Это было не просто ограбление, это был плевок в лицо Аргании.

— А что император? — тихо спросила девушка.

— Знаешь, — тас Лигран откинулся на спинку кресла, — мы даже не стали его убивать. Сама

жизнь без любимой — худшее из возможных наказаний. Ведь он её действительно любил, так и не женился больше. Трон оставил сыну сестры, когда тот вырос.

Ну, а мы... вначале искали, искали везде. Наши люди платили огромные деньги за малейший намек, но все было тщетно. Нам смеялись в лицо, устраивали целые спектакли, чтобы выманить награду и... ничего. Ни следа, ни правдивого слова. Одна ложь и пустота.

Когда драгоценности из приданого стали появляться на шеях герцогинь и баронесс, мы построили усыпальницу, поставили хрустальный гроб... пустой. Прошло время надежды, пришло время мести.

Лучшие из наших парней ушли подмастерьями в кланы убийц и воров. Они учились этому поганому мастерству, ибо таково было условие возвращения чести нашему народу.

Перед тем как оставить трон, Лиашанг сделал нам последний подарок — призвал подданных вернуть приданое принцессы. Но сокровища лишь подскочили в цене. Вечное человеческое желание обладать чем-то запретным. Однако своей просьбой император развязал нам руки. Ничто больше не могло помешать вернуть украденное домой.

Мы не стали церемониться с теми, кто посмел присвоить себе честь Аргании.

После первой волны убийств, часть драгоценностей нам вернули, и за каждое мы выплатили двойную цену. Оставшиеся укрыли еще надёжнее, надеясь сбить нас со следа.

— Как можно рисковать жизнью ради бездушных камней? — поражённо воскликнула Дара.

— Ты ещё слишком молода, и не знаешь — чем больше крови на камне, тем он дороже стоит, ибо к его цене прибавляется стоимость человеческой жизни.

— Я понимаю, — задумчиво произнесла девушка, — вы возвращаете своё, но убийствами принцессу не вернуть!

— Даже, — наставник сделал паузу, — если Араэllu оставили в живых, прошло уже слишком много лет для одной человеческой жизни. Поверь, не стоит жалеть тех, кто умер, защищая награбленное. Они знали цену и её заплатили. Или тебе жалко графиню? Нет? Почему-то я не удивлён.

Но это еще не вся история. После пропажи принцессы, в буре погибли два её брата, вместе с родным дядей. Мать-королева, не выдержав повторного удара, слегла. Король тоже не задержался на этом свете, передав бразды правления наместнику. С тех печальных пор, горный трон пустует без владельца.

Дара быстро закончила перевод, просмотрела

ли, закралась ли досадная ошибка. Нет, все правильно. Взглянула на часы — до прихода наставника оставалось время. Значит, она успеет спуститься в конюшню и навестить Илька. Это сокровище ей подарили месяц назад. Как подозревала Дара, исключительно, чтобы развеять последние сомнения оставаться или нет. И отказаться было нельзя. Как тут откажешься, когда на тебя смотрят огромными глазами с опаской, сомнениями и надеждой — возьмёшь или нет?

Ильку не повезло — умерла его хозяйка, несчастный случай. Тогда и решили сделать исключение из правил и подарить пегаса чужачке.

Непонятно почему, но тас Нурсах не оставлял надежды, что Дара определится с наградой, и при каждой встрече интересовался, не желает ли гостя нечто особенное, достойное оказанной услуги. Девушка лишь растерянно пожимала плечами — что можно желать, когда у тебя все есть — одежда, еда и даже книги?

— Может, что-нибудь из украшений? — настойчиво предлагал он.

В ответ Дара отрицательно мотала головой. После зрелища окровавленных драгоценностей под ногами, её мутило от одной лишь мысли о них.

Зато кое-кто запомнил, как загорались от восхищения глаза девушки при виде коней, как смогла довериться, выплавав боль на шее у пегаса.

— Прости, что не можем подарить жеребёнка, — Кристан провёл рукой по смолянисто-черной гриве, — но ты — не арганка, а значит, не знаешь, как нужно его воспитывать.

Дара кивнула, соглашаясь. Чтобы чему-то научить, нужно уметь это самому. Она же только начала постигать мудрость и суровость законов гор.

Отряд арганцев, спасший девушку из рук графини, по возвращении не забыл про неё. Через пару дней после исцеления, они заявили в полном составе. Принесли цветы, фрукты, медовые сладости. Много шутили, смеялись, говорили, что Дарг до сих пор не пришёл в себя после того, как его буквально залили слезами. Мол, скучает, передавал привет. Обещали показать долину, как только Дара окончательно поправится.

Улучив момент, девушка тогда спросила Кристана, почему не оставили на поляне, как хотели, почему забрали?

— Ты женщина, — последовал простой ответ, — с такими ранами не дошла бы. Проводить тебя мы не могли, проще было взять с собой.

С тех пор Кристан с товарищами навевались регулярно. Учили языку, помогали с занятиями, ненавязчиво рассказывали про обычаи, традиции. Иногда появлялись с друзьями. Когда Дара немного освоилась и подучила арганский, стали забирать на прогулки. Теперь за ней залетал